

Юбилей

Он – ровесник города, и это само по себе вызывает некий трепет. В свои годы он не просто ясно мыслит, рассуждая о миссии искусства в целом и достоинствах музыкального образования в советские годы, – он подготавливает размышления в статьях журнала, выпускаем ого Магнитогорской государственной консерваторией, и это внушает большое уважение. Наконец, в свои девяносто он по-прежнему является действующей и более, чем иные, авторитетной педагогической единицей консерватории. За все эти годы о Юрии Писаренко написаны сотни статей, кажется, о нём известно всё: родом из интеллигентной семьи, приехал на Магнитострой мальшом с родителями-первостроителями, не мог избежать музыки, поскольку мама была музыкантом и первым его учителем. Потому уроков музыки не посещал, но после одного из выступлений в дом Писаренко пришла целая делегация педагогов: отдайте сына в музыкальную школу.

Так он попал в профессиональную среду, в которой остался навсегда. Всё прочее – политика, конфронтация с властями эт сестера – ради музыки. Его ученики – сами уже убеждённые сединами профессора – работают по всей России, среди них и бывший ректор Магнитогорской государственной консерватории Наталья Веремеенко, рядом с которой он с семи её лет. Наталья Николаевна улыбается: «И до сих пор учусь у мастера». А мастер вздыхает с улыбкой: «И я учусь – правда, теперь уже у Всевышнего». Вот тут и начинается Юрий Писаренко, о котором мало кто знает. Разговор получился очень искренним, даже сокровенным. Передаю его практически без изменений.

– Чему же учит вас Всевышний, Юрий Георгиевич?

– К сожалению, много разочарований – потеря перспектив, если хотите. В Челябинской области до войны была всего одна музыкальная школа, а после войны – уже 132. В самые сложные годы учреждения культуры открывали десятками. А после 1993 года новых школ не появилось.

– Обманываете, вы лично «пробивали» открытие центра эстетического воспитания «Камертон».

– Тем не менее, всё остановилось, всё работает только на воспроизводство. Машина, запущенная в советское время, буксует, потому что нет поля для развития.

– Вы не задумывались, зачем советскому правительству – авторитарному, заинтересованному в покорном народе, нужно было так активно развивать культуру, в том числе музыкальную?

– Думаю, вы недооцениваете интеллект советского правительства. Говорю не о Хрущёве и Брежнев, а о тех, кто дал начало этой системе – Луначарский, Ленин, Стасова, музыканты Московской консерватории, входившие в близкое их окружение. Да и Сталин – он не был музыкантом, но окончил семинарию и вообще был поражающим своим интеллектом человеком. Взять хотя бы то, что каждый день он читал по 500 страниц. Прочёл недавно книгу Соломона Волкова «Шостакович и Сталин», так автор, отнюдь не сталинист, пишет, как Сталин опекал Дмитрия Дмитриевича, и не только его, вообще участвовал в культурной жизни страны самым активным образом. Да, Шостаковича критиковали – но тут же обласкивали, давали премии и прочие блага. И я в своей статье «Культурная революция в СССР. Её

Низкий поклон вам, учитель!

15 октября Юрию Георгиевичу Писаренко исполняется 90 лет

свет и тени» рассказал, как пестовали искусство – открывали Дома творчества, заказывали оперы и балеты. Из эмиграции в 1935-м приехал погостить в СССР Прокофьев – ему дали заказ на балет «Ромео и Джульетта», выделили дом в Турсах, в котором он жил за государственный счёт. Понимаете, это была регенерация российской интеллигенции XIX–начала XX веков – золотой век, серебряный век, из этого всё вышло. Сейчас мы находимся под прессом массовой культуры и массового сознания, которые сформировала дикая среда перестройки, и от этого никуда не деться: выплеснулось всё, что было на дне.

– Но ведь сегодня именно поколение перестройки активно ведёт своих детей в музыкальные школы, на которые снова начался бум.

– Всегда говорил: искусство имеет надклассовый характер, общечеловеческий – оно для всех.

– То есть, с фразой «Искусство принадлежит народу» вы согласны?

– Конечно. Искусство, как сказал Михаил Глинка, рождается из народа: музыканты только учатся, а создаёт искусство народ. Время было пушкинское – светлое. В то же время искусство живёт на народное достояние, кормится от людей – и обязательно отдавать долг, давать продукцию, которая нужна народу. Ведь искусство ради искусства – абсурд.

– Получается, противоречите сами себе, сказав в начале: «Мы живём под прессом массового искусства и сознания».

– (Смеётся). И это какой-то тупик, из которого нет выхода. Если общество требует, мы не можем этого не признавать. Но до какой степени нужно идти вслед за обществом, если культура из интеллектуальной превращается в психотропную? Перспективы нет – это слова не мои, а Карена Шахназарова: в советское время была идея, цель, а сейчас цели нет.

– Вроде всё о вас известно: подвижник, служитель, критик, изгнанник, которого потом попросили вернуться в родной город... Не поняла одного: всё, что вы делаете и переживаете, – это крест или счастье? Для других или для себя?

– (Задумывается). Для музыки. Музыка – это нечто великое. Никто не скажет конкретнее – много книг написано, но... как-то ускользает. Это божественное творение, и дети, которые идут в музыку, – что без этого есть великое в жизни? Вообще же, моё убеждение: человечество коптит небо зря – от него планете одни неприятности, честно говоря. Видел карту Тихого океана – весь север со стороны Японии и США страшно замусорен. В Антарктиде находят во льду дуст – он выпадает с осадками. Я уже не говорю о том, что высасывают из недр, вырубают леса – гадят, одним словом. Наука только способствует этому. А искусство, творчество, с моей точки зрения, оправдывает человека как творца прекрасного, даёт духовную основу. Но, разумеется, не всякое творчество. Атомная бомба – ведь тоже творчество. А вот искусство всегда служило людям. Фридрих Великий играл на флейте и дал Баху тему, которую композитор разработал и написал тетрадь фуг «Приношение королю». Пушкин, Некрасов, Толстой, Достоевский – это всё служение народу. А нынешний авангард – это уже только для избранных. Пахмутова, Дунаевский, Соловьев-Седой, Фрадкин, Слонимский – они для всех, а Шнитке, авангардисты и прочие «инсталляции» – это уже фокусы. Чайковский говорил:

хочу, чтобы моя музыка распространялась и была понятной. Прокофьев тоже писал музыку понятную, несмотря на сложность, её любит народ. А сейчас кто-то говорит: то, что могут слушать все, – не искусство. А всё началось с конца XIX века, когда Шпенглер написал «Закат Европы» и в нём определил двойственность культуры: есть цивилизационная, а есть духовная.

– Так что для вас служение музыке – счастье или мука?

– (Долго молчит). Счастье конечно. Вообще, нельзя сказать, что я всё время мучился поиском и сомнениями. Более того, считаю себя не совсем состоявшимся – потенциала было больше, чем я сделал. По разным причинам – в частности, из-за вечного своего оппозиционерства. Конфликтовал с Семёном Эйдиновым, обидевшим фронтовика, талантливую музыканта Ивана Минина, встал на сторону Ивана Григорьевича – и вынужден был уехать из города. Был активным комсомольцем, пропагандистом, меня трижды приглашали в партию, суля большую карьеру и прочие блага – я отказался. Потому что партия – это дисциплина, подчинение, а я вырос в духе свободы.

– Да уж, ваша принципиальность обросла легендами.

– Это намертво вбито родителями с детства. Единственное ценное качество в человеке – честность. Началось влияние – уже плохо.

– Тогда честно: что, по вашему мнению, вы сделали для Магнитки самое ценное – 65-я школа, «Камертон»?..

– С моей точки зрения – музыкой музыкальной

культуры, который поменял психологию местных музыкантов, подверженных вождизму. Самая уязвимая часть советской системы, считаю, – вождизм. Сталин – понятно: война, за Родину, за Сталина, Бога отменили – кто-то должен быть отцом родным. Если бы был Ленин, он бы всё отменил, ибо не был сторонником своего культа, и даже, когда отмечали его 50-летие в Моссвете в 1920-м, отказался участвовать – не приехал на собрание. И только перед тем, как выдающийся пианист Исая Добровейн должен был играть для Ленина бетховенскую Аппассионату, Горький поехал и привёз его. А в Магнитке вождизм цвёл пышным цветом, и музей переломил ситуацию. К примеру, считается, что Эйдинов чуть ли не создал музыкальное училище, а первым его директором был Михаил Поляков, Эйдинов встал у руля уже готового учреждения. А его начало – это приехавшие на Магнитку бригады Московской консерватории, прекрасные профессора. Семён Эйдинов – талантливый организатор, хороший музыкант, сумевший собрать вокруг себя великие кадры – Владислава Чернушенко, Виталия Васильева, ту же Светлану Синдину, не боясь потеряться на фоне их дарования. Ещё из хорошего, что я сделал в жизни, назову ассоциацию музыкантов музыкальных школ, которую организовали в 2004-м вместе с директором шестой школы искусств Светланой Дыльковой.

Огромный пласт работы: и курсы, и конференции, и приглашения специалистов крупных музыкальных обществ, налаживание творческих контактов с музыкантами всей страны и зарубежья. В последней конференции приняли участие 1300 человек из Магнитки и Москвы, с Чукотки и из Белоруссии.

– Отъезд из Магнитки в 1977-м был вынужденной мерой?

– Да, ещё раньше друг пригласил помочь открыть музыкальное училище в Миассе – вдвоём с ним принимали народников, скрипачей, вокалистов, пианистов. Когда в Магнитке меня начали зажимать, он предложил работу. Руководил методобъединением, объездил всю область, а в 1983-м по приглашению Александра Якупова вернулся в Магнитогорск и приступил к созданию музея.

– Вы бывали за границей. Что вам ближе: наша русская безалаберность или европейская собранность?

– Честно сказать, ставлю европейцев не очень высоко: они хорошо одеваются, вкусно едят, ездят на дорогих автомобилях – и согласны на всё, лишь бы им было хорошо.

– Теперь это называется толерантностью.

– Это всегда называлось беспринципностью. Преклоняюсь перед Европой за Баха, Моцарта, Бетховена, Листа, Брамса, Листа, Шопена, а в остальном – извините, вырождение. Если пойдём по их пути – тоже выродимся. Россия для меня – это Пушкин, Достоевский, Толстой, Рахманинов, Нестеров, Врубель, Тарковский, Левитан – на что это можно променять? И к европейским классическим концертникам отношусь плохо. Когда со сцены звучит классическая музыка, нежестко сидеть на плече и поглощать сэндвичи. У нас концерт – это выход, слушание музыки – это тоже работа, сотворчество, и мне это ближе. Потому и магнитогорские скверы и парки, заполненные летом классическим искусством, не приняла – до искусства надо дотянуться, а его используют в качестве развлекателя.

– Ваша дочка восемь месяцев назад подарила вам внука Георгия. Не пора ли оставить родную Магнитку и поехать к новоиспечённой мамочке?

– Наверное, подходит время, но я уже не помощник ей, увы – годы берут своё. А обузой быть не хочу. Хотя в свои годы я самостоятелен, на лыжах до сих пор хожу, плаваю. И в концерте своём, который традиционно состоится 15 октября, в день моего рождения, участвую.

– Вы вообще оставляете в жизни место на то, чтобы проснуться – и вам никуда не нужно спешить?

– Этого очень боюсь. Вообще, до разговора с вами свой возраст не считал чем-то выдающимся, а сейчас поговорили – и подумал: а девяносто – это о-го-го (Смеётся).

– Вот и дальше чувствуйте себя мальчишкой долгие-долгие годы, Юрий Георгиевич!

Концерт «Приношение учителю» (6+), посвящённый юбилею профессора Юрия Писаренко, состоится 15 октября в большом зале Магнитогорской государственной консерватории. Начало в 18.30, вход свободный.

✍️ Рита Давлетшина

Юрий Писаренко

© Евгений Рухманов